

ТЕОСОФСКО-АНТРОПОСОФСКИЙ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ ЕЛЕНА ШВАРЦ

В статье характеризуются концептуально-философские ориентиры, определяющие особенности тематики, проблематики, образной системы, языка и стиля произведений Е. Шварц позднего периода творчества и наиболее отчетливо выраженные в книгах стихов «Западно-восточный ветер» и «Дикопись последнего времени». Обосновывается приверженность поэтессы теософии и такой ее разновидности, как антропософия, к которым апеллирует Е. Шварц в акте экзистенциального трансцендирования. Возрождая и обновляя традицию модернистской литературы Серебряного века, поэтесса отстаивает приоритет духовного над материальным, жизнетворчество, всеединство, создание ценностей, которые переживут самого человека.

Ключевые слова: жизнь, смерть, человек, мироздание, экзистенциализм, экуменизм, теософия, антропософия, творчество-трансценденция, мифопоэтика.

Елена Шварц – коренная петербурженка, и сам Петербург, в котором, помимо православных, есть католические церкви, мечети, синагоги, буддийские храмы, представлены ответвления доминиканского и мальтийского орденов, оказал влияние на формирование мировосприятия поэтессы. Сама Е. Шварц называет Петербург «испанским городом», поясняя в каком значении использует это определение:

«В Испании (и, кажется, нигде больше) долго сосуществовали три веры: христианство, мусульманство (суфизм) и, в одном из самых изощренных своих проявлений (каббала), – иудейство. Три культуры жили как соседи, одождаясь друг у друга в случае нужды (алхимией, к примеру)» [3, с. 48].

Отсюда проистекает приверженность поэтессы к экуменизму как фактору, сближающему людей разных национальностей и верований, в свою очередь предопределившему движение к теософии и антропософии, наиболее отчетливо заявившим о себе в позднем творчестве Е. Шварц, ее поэтических книгах «Западно-восточный ветер» (1997), «Дикопись последнего времени» (2001), «Трость скорописца» (2004).

Влечет лирическую героиню Е. Шварц тайна мироздания и тайна человека в мироздании, а значит, и тайна своего собственного существования, и поэтесса не считает возможным ограничиться каким-то одним ее истолкованием – стремится вобрать в себя в с е накопленное в данном отношении человечеством и синтезируемое на основе эзотеризма.

Е. Шварц возрождает традицию поэтов Серебряного века с присущей им идеей культурного синтеза и тяготевших к эзотерической философии. В стихотворении «На прогулке» (1981) поэтесса восклицает:

О если б как она – все веры
Соединить в одной, одной
И, ошестинясь будто солнце, Большой
взметнуться булавой
[3, с. 12].

В некоторых случаях Е. Шварц даже намекает на философские истоки своего творчества; в стихотворении «Гостиница Мондэхель» пишет об обнаруженной будто бы ею в одном из петербургских подъездов надписи «Я– Елена Блаватская», нацарапанной на стекле, а далее:

«Я здесь была и по этим ступеням спускалась,
Снова взойду, а ты мне спускайся навстречу»
[2, с. 30].

Это свидетельство нового витка интереса к наследию Е. Блаватской и неявное указание на приверженность поэтессы теософии.

Теософия – 1) «в широком смысле слова – мистическое богопознание», 2) «обозначение синтеза мистического богопознания иррациональной философии», 3) религиозно-мистическое учение Е. Блаватской, стремившейся «объединить различные вероисповедания через раскрытие тождественности сокровенного смысла всех религиозных символов и создать на этой основе род “универсальной религии”, не связанной какой-либо определенной догматикой» [5, с. 390–391], дабы объединить расколотое человечество и инспирировать его духовную эволюцию.

В «Тайной доктрине» (1888) Е. Блаватская обобщила тысячи азиатских и европейских источников древности оккультно-мистического характера и при их изучении с позиций эзотеризма выявила «тождественность корня каждой с основою всякой другой великой религии» [1, с. 16] и пришла к выводу, что у них у всех – общий духовный исток: «...Единая, Абсолютная Действительность, которая предшествует всему проявленному и условному Сущему. Эта Бесконечная и Вечная Причина ... является “Бескорним Корнем всего, что было, есть, или когдалибо будет”» [1, с. 63]. Так что смена мировых циклов и человеческих рас не отменяет в теософии Вечного, «Божественного и Абсолютного Принципа» [1, с. 16], что распространяется и на человека, вовлеченного в процесс космической эволюции.

И у поздней Е. Шварц доминирует интерес к сверхчувственному, визионерскому аспекту постижения бытия, включая такие разновидности оккультизма, как магия, каббала, астрология, алхимия, спиритуализм, розенкрейцерство, наконец, собственно теософия, перерастающая в антропософию. Об этом свидетельствуют такие произведения, как «Арборейский собор», «Алхимический рассвет», «Иудеям и всем»,

«Обрусение кундалини», «Маленькая рождественская мистерия», «Ум в поисках ума», «Астрология», «Ковчег», «Вольная ода философскому камню Петербурга (*с двумя отростками*)» и другие.

Однако сверхчувственное, да и интеллектуальное познание для Е. Шварц не самоценно – это та духовная сфера, в которую входит, преодолевая границы своего «я», лирическая героиня поэтессы в акте трансценденции, в чем сказывается воздействие на Е. Шварц экзистенциализма. Предпринимает же это она для обретения смысла жизни, отрешаясь от неприемлемого и преследуемая мыслями о конце человека на Земле – смерти.

Окружающее не только не удовлетворяет поэтессу – земной мир воспринимается ею как неполноценный: он переполнен насилием, враждой, смертью, абсурдом. В «Стансах о неполноценности мира» говорится:

Весь мир неправильный–
Здесь время течет разно,
В душе иначе, чем на небе,
В уме инако, смерть заразна, И
яд незримо тлеет в хлебе
[2, с. 60].

То аномальное, что творится в мире, получает необычное объяснение в «Трактате о безумии Божьем»:

Бог не умер, а только сошел с ума,
Это знают и Ницше, и Сириус, и Колыма.
Это можно сказать на санскрите, на ложках играя,
Паровозным гудком или подол задирая (И не
знают еще насельники рая).

Это вам пропищал бы младенец шестимиллиардный, Но
не посмеет, сразу отправят обратно.
Но на ком же держатся ночи, кем тянутся дни?
Кто планет и комет раздувает огни? Неужели
ангелы только одни?
[2, с. 79].

Впрочем, у поэтессы мелькает подозрение и относительно ангелов: кажется, все обезумели, раз мир напоминает сумасшедший дом. Это произошло потому, что

Мира лопнула голова
[2, с. 79], –

формулирует Е. Шварц. Головой же многие века был Бог. Но отчего Он мог "сойти с ума"? Напрашивается: наблюдая, как живут и что творят люди. Не выдержал. Надежда у поэтессы только на добротолубие тех,

Кто даже безумье священное стиснет в арахис-орех
[2, с. 79], –

то есть совершит невозможное/сверхвозможное.

Е. Шварц преследует мысль о неотвратимости смерти, на которую с рождения обречен каждый на земле. Взгляд на жизнь сквозь призму конечности экзистенции – характерная черта экзистенциализма (жизнь есть бытие-к-смерти, по М. Хайдеггеру), сколь бы ни отличались между собой его разновидности.

Нас тьмы и тьмы,
И мы живем от тьмы до тьмы
[2, с. 54], –

констатирует Е. Шварц, фиксируя срок от до-рождения человека и после его смерти. Но, рассматривая жизнь как процесс движения к смерти, на этом точку поэтессы не ставит, а задается вопросом, чем проживаемую жизнь наполнить и главное – можно ли найти какой-то выход, преодолевающий трагическую подоплеку существования в брэнном теле:

А нам все должно пожирать,
Мир собирать в сумы. Скажи
– что хочешь ты еще От тьмы
– до тьмы?
[2, с. 54].

Верить в смерть не хочется, настолько ужасают мысли о собственной кончине, и материалистическо-позитивистская ее трактовка Е. Шварц понастоящему не убеждает:

Что ты умрешь – ужели взаправду? Кто
доказал?
[2, с. 68].

Заложенная в человеке на уровне бессознательного воля в жизни пропитывает все его существо и отрицает доводы разума, воспринимаемые как неубедительные, сомнительные.

Поэтесса берется перепроверить считающееся аксиомой и касается разных точек зрения на феномен человека – научных, религиозных, метафизических, оккультных:

О человеке я слыхала рано:

Венец творенья, призрак или сон?

[2, с. 59], –

сосредотачиваясь преимущественно на концепциях, обещающих возможность бессмертия, однако – не чисто религиозных, а представляющих собой синтез науки, религии, философии. Наиболее последовательна в данном отношении теософия, каковую Е. Шварц, в свою очередь, синтезирует с экзистенциализмом. На этой основе посредством использования мифопоэтики и теософской образности поэтесса выстраивает собственную концептуальную модель мироздания, включающую в себя и человека, выдвигаемого – в лице лирической героини – на первый план.

Е. Шварц оказались близки представления различных учений о человеке как микрокосме, подобном макрокосму, а таковой в этих учениях проистекает из Божественного, непроявленного Абсолютного Духа, которые есть во всем.

Согласно индуизму, у человека три тела: плотное, тонкое и причинное (упадхи); согласно Г. Гурджиеву – четыре: физическое, астральное, духовное, или ментальное, каузальное, или божественное; согласно Е. Блаватской – семь тел, включающих в себя три низших элемента человеческой личности: физическое тело, жизненная энергия (прана), эфирный двойник (фантом) человека и четыре высших его элемента: астральное тело, психоментальное тело, Духовное тело, Божественное тело. Человек у Е. Блаватской – вместилище всех семян жизни, и, освобождаясь после смерти от низших элементов своего существа и развивая Дух, пройдя камалоку, способен обрести бессмертие, вечную жизнь, которая в нем потенциально заложена. И данный акт неоднократный: меняя свои внешние формы, человек вовлечен в процесс вечного круговращения мироздания.

Позднее творчество Е. Шварц резонирует с данными и родственными им концепциями. Поэтесса неоднократно наделяет свою лирическую героиню девятью глазами, что имплицитно отсылает к символическому образу «Город Девяти Врат». Это «образ, обозначающий физическое тело, которое имеет два глаза, два уха, две ноздри, рот и два нижних отверстия» [4, с. 212]. Тем самым Е. Шварц демонстрирует, что она постигает мир и человека не только разумом, но всем своим существом. Однако на этом Е. Шварц не останавливается, в целом ряде случаев делает образ своей лирической героини концептуальным, исходя из представлений о человеке эзотерической философии, и прежде всего теософии Е. Блаватской.

Поэтесса отчасти спорит с М. Бубером как автором работы «Я и Ты» (1923), настраивавшей на диалог, в котором позиция Я – активнопассивная, а «вечный Ты» у философа – Бог. Е. Шварц же считает:

В Боге нету«ты»,
«Ты» и «Оно» – где мир и ад,
Условные и временные «Я» Даны
от Бога напрокат
[2, с. 60].

Следовательно, земное «Я» не рассматривается как подлинное «Я». Предполагается, что это лишь временная оболочка истинного Я, принимаемая в процессе перевоплощения, а истинное Я-атма тождественно Высшему Единому Я – Абсолюту, и лирическая героиня поэтессы осознает Бога как свою сокровенную сущность. К своему подлинному Я она у Е. Шварц и пробивается.

В стихотворении «Гостиница Мондэхель» поэтесса уподобляет земной мир такой гостинице, где человек проживает временно (до смерти) и, хочет этого или нет, вписан в существующие здесь порядки:

Мир наш – гостиница, это известно младенцу,
Номер бы дали повыше, чистое полотенце,
Дали бы чашку, я б слезы туда собирала,
Слышь – монд э хель, переведи, что сказала.
Если одно ты наречье возьмешь – то получишь сиянье, Если
второе и третье – то злое навек наказание.
Ты надолго ли к нам, в наш отель, постоялая тень?
На один только долгий, прерывистый, на один только день.
Мир наш – гостиница, это младенцу известно –
Он ведь блуждал в коридорах и жил в номерах его тесных.
Слезную чашку возьму, выпарю, чтобы кристаллы осели. Я
сама солинкой была, да растворили и съели
[2, с. 30].

Проясняя семантику слова «мондэхель», Е. Шварц в сноске сообщает: «Если читать это слово по-немецки (с французской связкой), выйдет – “ясная луна”, если же первую часть слова по-французски, а вторую – по-английски – то: “мир – ад”» [2, с. 30].

Адское в описании гостиницы перевешивает «яснолунное», заставляет страдать.

Все у Е. Шварц какое-то изуродованное, пошлое, пустое – «без любви, без креста». Себя же лирическая героиня характеризует как «свет и огонь», поэтому ей особенно тяжело. Ее отличие от других обитателей гостиницы

заключается в самоотождествлении с вневременным, Божественным и неприспособленности к земному существованию, которое затягивает своим черным облаком и затмевает свет, так что лирическая героиня чувствует себя обездоленной и несчастной. Сосед – пародия на человека – ей заявляет:

– ну куда тебе деться? Ни бумаги, ни вида,
Из любого отеля прогонят, ото всех тебе будет обида. Если
себя ты не видишь, то как себя вспомнишь?
В зеркале нету тебя – так, лишь облако, эфемерида
[2, с. 32].

Женщина отвечает словами, ему непонятными, но соответствующими представлениям теософии:

Ничего – говорю – звезд так мало, а нас очень много,
Мы – набор комбинаций, повторений одних,
Как лекарство, составлены мы в аптеке небесной, Как
смешение капель и сил световых
[2, с. 32].

Она способна перемещаться (по крайней мере силой воображения) в разные тысячелетия, миры и измерения, вспоминать свои предыдущие (как верит) инкарнации:

И вернусь я Луной на Луну, и Венерой к Венере, Не
узнают они, пусть разодранной, дщери?
Семена мы и осыпи звезд.
Я дорогу найду, из ветвей своих выстрою мост
[2, с. 32].

Е. Шварц здесь художественно передает высказывания из «Тайной доктрины» Е. Блаватской: «В их <египтян> Эзотеризме человеческое существо пришло с Луны – это тройная тайна, астрономическая, физиологическая и психическая одновременно; оно прошло весь цикл существования и затем вернулось к своему месторождению, прежде чем снова выйти из него. Так умерший изображается приходящим на Запад, получающим свой суд перед Озирисом, воскрешающим, как Бог Гор, и вращающимся вокруг звездных небес, что является аллегорическим уподоблением Ра, Солнцу; затем, пройдя Нут, Небесную Бездну, снова возвращается в Тиау» [1, с. 308], то есть на тропу Ночного Солнца – Луны. Луна считалась «символом обновления жизни или перевоплощений по причине ее роста, убыли и умирания и нового появления каждый месяц» [1, с. 309].

Лунным символом у египтян была кошка (знак Изи́ды), и в «Разговоре с кошкой» лирическая героиня как бы от своей домашней красавицы ждет ответа на вопрос о посмертной судьбе близкого человека:

Она не отвечает мне,
Упорно, молча гложет шпроту.
От мертвых нет вестей, а странно: Из
смерти ль трудно вырыть лаз?
Она, понурившись, мурлыкнет,
Но зорких не отводит глаз
[2, с. 26], –

как будто что-то знает, но не может сказать. Все же самым своим присутствием кошка с ее загадочностью – при ассоциации с Луной – както утешает.

При соответствующей настроенности творчество перерастает у Е. Шварц в творчество-трансценденцию, и теософия перетекает в антропософию.

Антропософия как одна из ветвей теософии – «мистическое учение о человеке как чувственно-сверхчувственном существе», ориентировавшееся не на восточную эзотерическую философию, а «на христианскую мистику неортодоксального характера и европейскую идеалистическую традицию» [4, с. 73] и предполагавшее получение посвящения не от махатм, а через самостоятельные усилия антропософа. Именно это мы наблюдаем у Е. Шварц. Земная жизнь поэтессы – напряженная духовная работа над собой, дабы через свое Сверх-Я– посредством определенных духовных практик, сверхчувственного прорыва в потустороннее – не просто ощутить свою связь с Вечным, а добиться ощущения: Вечное – это Я. В этом тоже наблюдается влияние Е. Блаватской, у которой «Одно лишь ВЫСШЕЕ Я, истинное ЭГО, божественно и есть БОГ в человеке» [1, с. 592]. А где Бог, там и Вечное.

Предпринимаемые усилия воспринимаются как необходимая подготовка к отъезду из гостиницы, то есть – к смерти. Надежда на обретение бессмертия дает лирической героине просветление. Она верит, что ей

земля не последняя будет могила. Пусть
погасла свеча, но огонь все горит
[2, с. 33].

Будет продолжать гореть огонь в оставленных стихах. В одном из произведений Е. Шварц признается:

Мне – моя отдельность надоела.
Раствориться б шипучей таблеткой в воде!

Бросить нелепо-двуногое тело, Быть
везде и нигде
[2, с. 77].

Мотив стремления к беспредельности, «насыщения» себя мирозданием, «растворения» в нем достаточно характерен и для других стихотворений Е. Шварц.

Ассоциативная метафористика сопрягает у Е. Шварц далеко отстоящие друг от друга понятия, акцентирует их онтологическое единство, что может быть выражено и непосредственно:

Как странно – миллионы нитей
В одних и тех же сходятся руках! Бессчетность
маленьких событий
В морях и кровавых тельцах Сокрыта...
[2, с. 70].

Любимейшее местопребывание героини Е. Шварц – небо: как реальное, так и метафизическое.

Неудивительно, что лирическая героиня «Смятенья облаков» ликует, когда облако уносит ее с лица земли; и ей нравится валяться в облаках нежнейших, купаясь в них, как дельфин, и ей не хочется оттуда возвращаться.

Как можно понять, уносится ввысь дух поэтессы, ведь тело облака не выдержали бы.

Но гораздо чаще изображается не «нежничанье»-созерцание, а активный прорыв в потустороннее, стремление «попасть в ритм» с мирозданием, стать «подобной» Вечному. Не так уж редко совершает лирическая героиня свои «паломничества» в иные измерения. Так, в «Вольной оде философскому камню Петербурга (*с двумя отростками*)» говорится:

Лечу я, вращаясь, Туда,
где – Грааль
[2, с. 42].

Здесь поэтесса описывает своеобразную «репетицию» посмертного вращения «вокруг звездных небес» (Е. Блаватская), предшествующую возрождению к новой жизни.

В стихотворении «Верченье» Е. Шварц прилагает идею вечного круговращения мира, или Вечного Возвращения, к себе самой, точнее, к своему Высшему Я, напрямую формулирует:

Но что «я»? Ось
[2, с. 57].

Такой «осью» Е. Шварц считает Я-атму – именно оно причастно к Вечному. Все же телесно-материальное в ней – временные двойники друг друга и одежды Я-атмы в различных измерениях, каковые Истинное Я сбрасывает с себя в процессе космической эволюции. Поэтому лирическая героиня отождествляя себя с Я-атмой, ощущает свою вовлеченность в мировой круговорот:

Ты превращаешься
В водоворот,
В безумный вихрь,
В вертеп, в вертель,
И вот уже вокруг тебя Несется
мира карусель
[2, с. 57].

Но испытываемое напряжение при самоотождествлении себя со своим Высшим Я – вещь чрезвычайно трудная: человек одновременно испытывает и земное притяжение, должен так или иначе удовлетворять и материальные запросы, потребности своего физического тела. Лирическая героиня стихотворения исповедуется:

Я устаю,
Смотрю я вкось
На звезд прилипших стаю, – Все
ж у земли сырой во власти,
Боюсь – я вылечу из вихря
[2, с. 57].

И тем не менее усилия отстоять свое Сверх-Я продолжаются.

Чаще всего искомого состояния поэтесса добивается ночью, когда отрешена от суеты повседневности и предается «сну наяву» – творчеству трансценденции. Лирическая героиня «Времяпровождения № 3» готова упорствовать в том, что ночь дается человеку не для реального сна, а для того, чтобы осуществлять мистическое прозрение в потустороннее, инобытие. Благодаря особой настроенности ей открывается глазами не видимое, но предстоящее в умозрении. При этом у нее ощущение, что она «сама не своя» и «всегда не одна» – как бы идентифицирует себя с моделью человека, предложенной теософией. К тому же лирическая героиня показана не просто что-то наблюдающей, а активно вовлеченной в открывающееся ей:

Над ядром земным, обжигая пятки, пробегать,
Рассыпаясь в прах, над морями скользить,
Солью звезд зрачки натирать
И в клубочек мотать жизни нить.

Сколько слез! Сколько жемчуга!
Надо глотать их!
В животе они станут пилюлей бессмертья –
Это круг моих ежедневных занятий
[2, с. 20].

Чувствует себя лирическая героиня Е. Шварц ожидающей какого-то нового рождения, и в стихотворении «Перед рождением» поэтесса проводит сравнение своего Я-атмы с зародышем ребенка, появившимся в животе матери и призванном в определенный срок покинуть свой алый мрак, перейти в совершенно иную среду обитания, хотя, наверное, тот так же боится завершения данной фазы своей жизни, как взрослый человек смерти. Тем самым поэтесса настраивает и саму себя, и потенциального читателя на обнадеживающую перспективу посмертного существования при условии готовности к нему – напряженной духовной работы над собой.

Собираясь покинуть свое пристанище, лирическая героиня стихотворения «Гостиница Мондэхель», подобно Е. Блаватской, оставляет свой знак на оконном стекле – может быть, кому-то он окажется нужен. Само позднее творчество Е. Шварц – род такого знака, нацеливающего на одухотворение, житнетворчество, всеединство, создание ценностей, которые переживут человека.

Библиографический список

1. Блаватская, Е. Тайная доктрина: в 3 т. Т. 1: Космогенезис / Е. Блаватская. – СПб.: Азбука, 2014. – 928 с.
2. Шварц, Е. Дикопись последнего времени: Новая книга стихотворений / Е. Шварц. – СПб.: Пушкин. фонд, ММІ / 2001. – 88 с.
3. Шварц, Е. Западно-восточный ветер: Новые стихотворения / Е. Шварц. – СПб.: Пушкин.фонд, МСМХСVII / 1997. – 96 с.
4. Эзотеризм: Энцикл. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – 1040 с.
5. Энциклопедия мистицизма. СПб.: Литера; Виан, 1997. – 480 с.